

Т. Маурер

«ВОЙНА УМОВ» И ОБЩНОСТЬ ЕВРОПЕЙЦЕВ. РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ОТКЛИКА РУССКИХ УЧЕНЫХ НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ИХ ГЕРМАНСКИХ КОЛЛЕГ

Поздней осенью 1914 г. русские газеты сообщили: «Ученые организации всего мира энергично протестуют против неслыханного вандализма германцев»¹. То обстоятельство, что германские солдаты 25–27 августа подожгли и превратили в пепел Библиотеку Левена и почти весь бельгийский университетский город, а 20 сентября обстреляли Реймский собор, с точки зрения союзников по Антанте, провело границу между их собственной цивилизованностью и германской культурой. К протесту присоединились также ученые Российской империи. Развитие событий в первые недели войны привело к пересмотру их позиции относительно Германии и ее ученых, с которыми у них перед войной существовали особенно тесные научные связи и взаимообмен.

В XIX в. германская университетская система считалась самой успешной в мире — гарантом высшего академического уровня. Среди множества иностранцев, которые стремились учиться в Германии, перед Первой мировой войной особенно большую группу составляли студенты из Российской империи². Но, главное, многие российские ученые для повышения своей квалификации проводили определенное время в германских университетах³. Помимо подражания немецкому образу и личных

¹ Это текст подписи под карикатурой «Они протестуют», украшавшей внутреннюю сторону обложки нового еженедельника «Отечество». 1914. № 1.

² См. статистику: *Schairer R.* Die Studenten im internationalen Kulturleben. Beiträge zur Frage des Studiums im fremden Lande. Münster, 1927. S. 19. Согласно этим данным, в зимний семестр 1913–1914 гг. из 4 520 иностранных студентов 1885 (41,7%), были родом из Российской империи. Разумеется, речь идет лишь о приблизительной оценке, т.к. США, остальные страны Америки и Азии в таблице не представлены (вследствие отсутствия статистики о студентах из этих стран в некоторых университетах. Но это не отменяет лидирующей позиции российских студентов. Ср. Также: *Bergmann C.* Das Studium der Ausländer an deutschen Hochschulen und die Internationalen Studentenvereine // Jb. des Verbandes der Internationalen Studentenvereine an Deutschen Hochschulen. 1914. № 1. S. 79–105, цит. S. 91.

³ *Maurer T.* «Abkommandiert» in die «akademische Freiheit». Russischer Professorenachwuchs in Deutschland im 19. Jahrhundert // Tel Aviver Jb. für deutsche Geschichte. 1995. № 24. S. 63–104.

контактов, обе университетские системы были связаны между собой и тем, что высшие учебные заведения являлись государственными учреждениями, с задачей образовательной подготовки государственных чиновников. В последние десятилетия перед Первой мировой войной они развивались в сходных направлениях: в обеих странах расширилась социальная база профессорско-преподавательского состава и студенчества, увеличилось количество студентов, факультетов и университетов, к тому же возросло государственное вмешательство в их автономию. Наконец, у российских и немецких преподавателей высшей школы осознание себя особым ученым сословием, и понимание самой науки, совпадали в большей степени, чем, к примеру, у немецких и английских. Это выражалось в объединении всех университетских ученых специальностей в одно понятие («наука»), и квазирелигиозном чрезмерном завышении его значения⁴.

Воздействие немецкого образца и пребывания на обучении в Германии зимой 1914–1915 гг. обрисовал в «Московских ведомостях» А.Г.: «Мы были рады, если получали от своих учителей похвалу за то, что стали на них похожи. «Немецкое» и «европейское» стали для нас синонимами». Считалось, что, делая себе имя в Германии, русский ученый тем самым становился известным и на европейском уровне⁵. Особенно оживленными были научные и культурные обмены между Россией и Западной Европой в годы перед Первой мировой войной. Русские рассматривали себя членами нации, занявшей место среди других народов Европы со своим специфическим голосом. И хотя различия между Востоком и Западом не были забыты, их больше не видели разъединяющими⁶.

Когда в декабре 1913 г. началась подготовка к предстоящему в 1918 г. Международному конгрессу историков в Петербурге, организаторы опасались натянутых отношений между представителями разных наций. Но, по

⁴ О самосознании ученых и о понятии науки см.: *Maurer T.* Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Köln; Weimar; Wien, 1998. S. 567–575. О понятии науки см. также: *Wallace S.* War and the Image of Germany. British Academics 1914–1918. Edinburgh, 1988. P. 5.

⁵ А. Г. [Гершун А.А. — *псев.*] Русские туристы и ученые в Германии // Московские ведомости, 19 дек. 1914 (1 янв. 1915). С.1. Сравните высказывание известнейшего крайне правого русского журналиста того времени об идеализации всего немецкого у русских образованных людей, которых он описывал из личного опыта и с разочарованием: *Меньшиков М.О.* Письма к близким. Родина Ницше // Новое время. 21 сент. (4 окт.) 1914. С. 5.

⁶ *Weidlé W.* Rußland. Weg und Abweg. Stuttgart, 1956. S. 141, 143.

свидетельству специалиста по новой истории Европы Николая Кареева, никому и в голову не приходило, что через полгода может стать актуальным вопрос о русско-германских отношениях⁷. Еще летом 1914 г. ведущий германский историк древности Эдуард Мейер и его русский коллега Михаил Ростовцев обменялись теплыми письмами по случаю избрания Ростовцева в члены-корреспонденты Прусской академии наук⁸.

Потрясение в связи с началом Первой мировой войны в различных воевавших странах привело к переоценке германских университетов⁹. На то, что позднее они уже не могли служить всеобщим образцом, менее всего повлияли сами методы, которыми Германия вела войну, но гораздо более позиция, которую заняли в ней германские ученые. Если во время Франко-прусской войны 1870–1871 гг. представители обеих наций вели спор путем личной переписки, то теперь они перешли к коллективному обмену ударами¹⁰. В Первую мировую войну «академики всех воевавших государств» с самого начала чувствовали себя обязанными поддерживать — по крайней мере, пером — военные усилия собственной нации¹¹.

После того, как иностранная пресса подробно написала об актах насилия германских солдат в Бельгии, в сентябре 1914 г., 93 немецких ученых и писателя, частным путем, разослали зарубежным коллегам

⁷ *Кареев Н.И.* Мысли о русской науке по поводу теперешней войны // Чего ждет Россия от войны. Пг., 1915. С. 77–93. Цит.: С. 80.

⁸ См.: *Maurer T.* Der Weg zur Mündigkeit. Auslandsaufenthalte russländischer Wissenschaftler im 19. und frühen 20. Jahrhundert // *Hyperboreus* (в печати).

⁹ *Wallace.* War and the Image of Germany. P. 4, 39. В XIX в. Германия притягивала половину студентов со всего мира, обучавшихся за границей, в 1930 г. их было только 9 %: *Siebe Daniela.* Ausländische Studenten in Gießen [1900–1949] Akzeptanz, Umwerbung und Ausgrenzung. Gießen, 2000. S. 5.

¹⁰ *Ungern-Sternberg J. von.* Wie gibt man dem Sinnlosen einen Sinn? Zum Gebrauch der Begriffe «deutsche Kultur» und «Militarismus» im Herbst 1914 / Hg. J. Wolfgang Mommsen // *Kultur und Krieg. Die Rolle der Intellektuellen, Künstler und Schriftsteller im Ersten Weltkrieg.* München, 1996. S. 76–96. Цит.: С. 89. Подробнее о германо-французском споре см. у М. Фёлькиеля: *Völkel M.* Geschichte als Vergeltung. Zur Grundlegung des Revanchegedankens in der deutsch-französischen Historikerdiskussion von 1870/71. *Historische Zs.* 1993. № 257. S. 63–107.

¹¹ *Mommsen W. J.* (см. сноску 10). *Wissenschaft, Krieg und die Berliner Akademie der Wissenschaften. Die Preussische Akademie der Wissenschaften in den beiden Weltkriegen* / Hg. W. Fischer, unter Mitarbeit von R. Hohlfeld und P. Nötzoldt // *Die Preussische Akademie der Wissenschaften zu Berlin 1914–1945.* Berlin, 2000. S. 3–23. Цит.: С. 4.

тысячи экземпляров своего призыва «К культурному миру»¹². Наконец, 4 октября он был опубликован в германской прессе. Шестикратным «это неправда...» подписавшиеся отклонили утверждения своих зарубежных коллег о том, что Германия несет ответственность за войну, а также обвинения в ее неуважении к международному праву и в жестоких методах ведения войны: немецкие ученые расценивали эти обвинения как «отравленное оружие лжи». Напротив, они сочли борьбу, которую вели противники Германии против немецкого милитаризма, борьбой против немецкой культуры. Они утверждали, что «Германская армия и немецкий народ — едины», а германский милитаризм развился из германской культуры с целью «её защиты»¹³. Оправданием, что, мол, бельгийское население само спровоцировало германское наступление своими коварными нападениями, германские ученые пытались разрешить открывшееся противоречие между праведным автопортретом германских борцов и реальностью¹⁴. Воззвание «К культурному миру» и последовавшая вскоре «Декларация преподавателей высших школ Германской Империи», собравшая более 4 000 подписей (т. е. подписались почти все преподаватели), привлекли к себе большое внимание во всем мире¹⁵. Его оценили как доказательства шовинистической настроенности германских преподавателей высших школ, с одной стороны, и развал международной республики ученых, с другой.

¹² Эта датировка следует из письма одного из инициаторов, Германа Зудермана к капитану флота (в Имперском ведомстве военно-морского флота) Генриху Лёлейну 30.09.1914. Опубликовали его братья Юрген и Вольфганг фон Унгерн-Штернберг: *Ungern-Sternberg J., Ungern-Sternberg W. Der Aufruf «An die Kulturwelt!» Das Manifest der 93 und die Anfänge der Kriegspropaganda im Ersten Weltkrieg.* Stuttgart, 1996. S. 181. О том, как появилось воззвание, подробнее см. гл. 1 этой книги (S. 17–26).

¹³ Сводное представление трех проектов (включая печатные тексты) см.: *Ungern-Sternberg W. Der Aufruf.* S. 156–160. Список подписавшихся см.: *Hg. H. Kellermann Hermann. Der Krieg der Geister. Eine Auslese deutscher und ausländischer Stimmen zum Weltkrieg.* Weimar, 1915. S. 64–68.

¹⁴ Сформулировано, опираясь на С. Мейнеке: *Meineke S. Friedrich Meinecke. Persönlichkeit und politisches Denken bis zum Ende des Ersten Weltkrieges.* Berlin, 1995. S. 235–239.

¹⁵ См. по этому поводу: *vom Brocke Bernhard. «Wissenschaft und Militarismus». Der Aufruf der 93 «An die Kulturwelt!» und der Zusammenbruch der internationalen Gelehrtenrepublik im Ersten Weltkrieg // Hg. III Calder M. William, H. Flashar, Th. Lindken // Wilamowitz nach 50 Jahren.* Darmstadt, 1985. S. 649–719. (S. 667–679) (с многочисленными доказательствами).

В России это воззвание вызвало, по меньшей мере, семь встречных деклараций, а также дебаты, в которых участвовали газеты всей империи¹⁶. И хотя воззвание, по всей вероятности, не было отправлено в Россию¹⁷, российские художники и писатели уже через неделю после его публикации в Германии обратились с призывом к «Родине и всему цивилизованному миру»¹⁸. Все же до того как ученые, наконец, опубликовали свою встречную декларацию (4 декабря)¹⁹, прошло почти два месяца.

Между тем, 2 ноября подробный анализ возвания²⁰ опубликовал Павел Милюков. Наконец, почти одновременно с протестом свыше 250 «представителей русской науки»²¹ появился и «протест Университета» в Петрограде, к которому присоединились, по меньшей мере, 350 преподавателей высших школ обеих столиц²². С некоторым

¹⁶ Разбор встречных шести воззваний и публицистических дискуссий в прессе см.: *Maurer T. Russische Reaktionen auf den deutschen Aufruf «An die Kulturwelt!» // Jb. für Wirtschaftsgeschichte. 2004. № 1. S. 221–247* (завершено осенью 2000). Кроме этих воззваний см.: Совет Имп. Казанского ун-та. Ответ германским ученым = *Le Conseil de L'Université Impériale de Kasan. Réponse aux savants allemands*. Казань, 1915. Этот поздний ответ, опубликованный, согласно А.Н. Дмитриеву, в «Уч. зап. Имп. Казанского ун-та», отчетливее, чем другие ответы, противопоставляет образу Германии — защитницы культуры, распространенному среди немецких ученых, соответствующий образ России «в защите цивилизации и славянства» (С. 1). *Dmitriev A.N. La mobilisation intellectuelle. La communauté académique internationale et la Première Guerre mondiale // Cahiers du Monde Russe, 2000. № 43. P. 617–644. Цит.: P. 625 с примеч. 29.*

¹⁷ Детальное обоснование этого предположения см.: *Maurer. Krieg der Professoren. Anm. 16.*

¹⁸ Здесь и далее я цитирую каждое встречное воззвание только по одному из тех органов, где он был опубликован. «От писателей, художников и артистов» // *Вест. воспитания. 1914. № 7 (октябрь). Хроника. С. 120–124.* Более обширные доказательства из многократно изданных текстов см.: *Maurer. Krieg der Professoren.*

¹⁹ Поскольку речь идет о реакции на немецкие высказывания, все даты в тексте пересчитаны по григорианскому календарю. В ссылках, однако, сохранены даты публикаций по действовавшему тогда в России юлианскому календарю.

²⁰ *Милюков П. [Н.] Германская интеллигенция и война // Речь. 1914. 20 окт. (2 нояб.). С. 3.*

²¹ Протест представителей русской науки против неправомерного ведения войны Германией и Австро-Венгрией // *Новое время. 1914. 21 ноябр. (04 дек.). С. 3.*

²² Протест Университета // *Вест. Европы. 1914. № 12. С. 376–378.* (В рубрике «Хроника. Вопросы внутренней жизни.» Ср. далее прим. 62.

отставанием прореагировали педагоги²³, Киевский университет²⁴, преподаватели Военно-Медицинской академии²⁵ и, наконец, Казанский университет²⁶. Промедление объясняется, скорее всего, большой неуверенностью, которую вызвало воззвание «К культурному миру» среди ученых царской державы, а также политическими разногласиями среди российской профессуры. Первый ответ ученых, очевидно, инициировал бывший помощник министра народного просвещения Н.П. Боголепова, Николай Андреевич Зверев, который был назначен членом Государственного совета в 1909 г. и председательствовал на съездах правых профессоров. Поэтому либерально настроенные преподаватели высших школ опубликовали свой собственный протест²⁷.

Анализируя русские дебаты по этому воззванию, следует:

1. Обрисовать в общих чертах переоценку образа Германии в первые месяцы войны.
2. Определить, как российские ученые понимали патриотизм.
3. Изучить, какие последствия имело это понятие патриотизма в связи с пониманием науки, для выработки позиции по отношению к ученым других наций.
4. Сравнить основные черты русских дебатов с реакцией в других странах.

Образ Германии в первые военные месяцы

Для многих ученых царской России война представляла собой величайшую катастрофу в истории европейских народов, и, как высказался московский философ Лев Лопатин в январе 1917 г. на годичном

²³ От русских педагогов // Юрьевский вестник. 1914. 20 дек. (1915. 2 янв.). С. 1. Упомянутый там недатированный отпечаток из «Биржевых ведомостей» найти не удалось.

²⁴ Ответ профессоров и преподавателей Имп. ун-та св. Владимира на «Обращение к цивилизованным нациям» (...) / Réponse des professeurs de l'université Impériale de Saint-Vladimir à l' "Adresse aux Nations civilisées" (...) / Киев. Без года. В заголовке французского перевода отсутствует (сообразно французскому словопотреблению) выражение, соответствующее словам «и преподавателей».

²⁵ Ответ на воззвание «К культурному миру» представителей германской науки и искусства. (От Конференции Имп. военно-медицинской академии) // Речь. 1915. 29 янв. (11 февр.). С. 5.

²⁶ Совет Имп. Казанского ун-та. Ответ германским ученым.

²⁷ На основании анализа списков подписей в *Maurer. Krieg der Professoren*.

акте университета, падение европейской культуры²⁸. «Под гром пушек» шла «коренная переоценка ценностей». Чудовищное разочарование в германских ученых наиболее сильно выразил П.И. Вальден, латыш, воспитанный в немецкой культуре, профессор химии в Рижском политехническом институте: «Те, кто еще недавно, считались нашими учителями и образцами, высокомерно отвернулись от нас, назвав нас «варварами»²⁹. Вальден отметил два центральных момента германского воззвания для российских ученых: прежние представления о немецкой культуре были поколеблены, и европейская самоидентификация русских ученых оказалась под ударом. Формулировкой «орды, забивающие [как скот] женщин и детей», русских исключили из европейской цивилизации. К тому же, подписавшиеся отказали англичанам и французам в праве «претендовать на защиту европейской цивилизации», так как они «были союзниками сербов и русских»³⁰.

Новая оценка Германии уже включала в себя опыт, приобретенный русскими студентами и учеными, которые находились в Германии в момент начала войны. Студентов, как гражданских интернированных, неделями держали в заключении, не разрешая получить смену чистого белья, мечта о котором свидетельствовала об их цивилизованности, а отказ — о нецивилизованности немцев³¹. В целом, традиционный образ был перевернут. И ученик политэконома Луйо Брентано [Людвига Иосифа Брентано, иностр. корр. ИАН с 1895 г. — *нефев.*], московский профессор Иосиф Гольдштейн, который до войны высоко ценил немецкую культуру, по возвращении из интернирования утверждал, что немецкой культуры

²⁸ По ст.: *Novgorotsev Paul J. Russian Universities and Higher Technical Schools During the War // Ignatiev Paul I., Odinetz Dimitry M., Novgorotsev Paul. J. Russian Schools and Universities in the World War, New Haven. 1929. P. 131–239. Цит.: P. 168.*

²⁹ *Вальден П.И. О творческой силе русских химиков // В тылу. Литературно-художественный альманах кассы «Взаимопомощи» студентов Рижского Политехнического ин-та. Пг., 1915. С. 141 (в т.ч. мысли о переоценке ценностей).*

³⁰ *Aufruf an die Kulturwelt // Kellerman. Krieg der Geister. S. 65.*

³¹ -d [Аноним] *Русские студенты и Германия. (Из беседы) // Южная мысль. 1914. 9 (22) окт. С. 3. О российских студентах, не сумевших вовремя покинуть Германию перед началом войны см. очерк: Maurer T. Weder Kombattanten noch Kommilitonen. «Feindliche Ausländer» in einer deutschen Universitätsstadt während des Ersten Weltkriegs // Jb. für Universitätsgeschichte. 2005. № 8. S. 185–210.*

нет и не было.³² Под влиянием войны усилились впечатления, неприятно поражающие и раньше. Московский профессор энциклопедии права и истории философии права Евгений Трубецкой, выразительно представил подчиненность личности и абсолютизацию государства в Германии.³³ А приват-доцент Моисей Рубинштейн открыл, что в войне «тонкий слой культурных румян», который наносила школа, моментально отпал. «Варварская сердцевина» оставалась непоколебимой. Кроме того, на основе своего опыта, почерпнутого во время студенческих собраний и педагогических конгрессов, он установил, что в Германии не только армию теперь почитают школой нации, в то же время школы и университеты милитаризированы³⁴.

Относительно методов ведения войны, снова и снова шла речь о немцах — диких и озверевших варварах³⁵. Более показательными были такие формулировки, как «современные тевтоны с новейшей техникой»³⁶, или «дикари» с «современной и какой-то утонченно-садической психологией»³⁷, в целом охваченные понятием «варваров XX века»³⁸. В связи со многими свидетельствами об употреблении современной и ужаснейшей военной техники³⁹, это понятие доказывало, что русские, подобно

³² [И.]М. Гольдштейн в плену // В немецком плену. М., 1915. С. 61–64 (61).

³³ *Трубецкой. Е.* [Н]. Что с ними сделалось? // Рус. ведомости. 1914. 02 (15) дек. С. 3. II. Там же. 04 (17) дек. 1914. С. 3.

³⁴ Там же. С. 3.

³⁵ *Погодин А.* Воспитание великих душ // Биржевые ведомости. 1914. 08 (21) окт. С. 2–3; *Котляревский Нестор.* Кончина властной идеи? // Биржевые ведомости. 1914. 02 (15) нояб. С. 3; *Д[аман]ская А[вгуста]* [Фил.] Метерлинк и Гауптман // Утро России. 1914. 11 (24) сен. С. 1–2; В Религиозно-Философском обществе // Русские ведомости. 1914. 07 (20) окт. С. 4; *Астахов М.* Радикальные Митрофаны // Московские Ведомости. 1914. 16 (29) окт. С. 2.

³⁶ Из речи ректора Казанского университета. См. отчет об этом: В университете // Казанский телеграф. 1914. 02 (15) окт. С. 4. Ср. также: *Адрианов С.* Пророчества Ф.М. Достоевского // Биржевые ведомости. 05 (18) сент. 1914. С. 2.

³⁷ *Н. С. Dura lex, sed lex!* (К вопросу о германских зверствах) // Утро России. 1914. 11 (24) сент. С. 1.

³⁸ Как в прим. 21. См. также: Совет Казанского ун-та. С. 1.

³⁹ См. также, кроме примеров, названных в прим. 36: *Яценко А.* Что случилось с международным правом? // Биржевые ведомости. 1914. 28 дек. (1915. 10 янв.). С. 3. Указание на бомбардировку с самолетов также в стихотворении *А.Ш.* Маленький фельетон: Немецкая культура // Южная мысль. 1914. 02 (15) дек. С. 3.

западным военным противникам Германии, воспринимали германское варварство не просто каким-то отрицательным состоянием, обусловленным природой, но также извращением цивилизаторских достижений⁴⁰. Германские ученые уверяли, что не было никакой «недисциплинированной жестокости», а в логической импликации «дисциплинированной жестокости», Милюков признавал, «к сожалению», не оговорку, «но довольно точное определение существа отношения германской интеллигенции к войне»⁴¹.

Несмотря на эти острые реплики, представление о Германии среди ученых не было плакатным и однообразным. Причиной всех различий было представление о двух Германиях: классической Германии культуры и Германии современного милитаризма. Это историческое различие, однако, вело к интерпретации, что основание империи изменило Германию: с русской точки зрения она стала Великой Пруссией. При этом московский историк Роберт Виппер смог прямо-таки любовно нарисовать Германию XVIII в. по контрасту к ее настоящему⁴², историк искусства В.Я. Курбатов приписал прежние культурные достижения соревнованию отдельных германских государств, и, напротив, современное искусство за немногими исключениями считал незначительным⁴³.

⁴⁰ Формулировка заимствована у М. Яйсмана, сделавшего подобное наблюдение во французском контексте: *Jeismann Michael. Das Vaterland der Feinde. Studien zum nationalen Feindbegriff und Selbstverständnis in Deutschland und Frankreich 1792–1918. Stuttgart, 1992. С. 324.*

⁴¹ Как в прим. 20.

⁴² *Vinner P. Ю. Старая и новая Германия // Гибель европейской культуры. Сб. статей и публичных лекций. 1914–1918 гг. М. 1918. С. 26–47.* (Однако начало изменений датировано уже войной за независимость против Наполеона). Представление о двух Германиях также в упомянутой в прим. 52 статье А. Говорова.

⁴³ Первоначальное сомнение, что Германия И.Х.Ф. фон Шиллера и И.-В. Гёте могла допустить такой вандализм в Реймсе или Левене, он комментирует замечанием, что никто и не думал, имели ли Шиллер и Гёте вообще какое либо отношение к современной Германии. Тем самым он прямо отвергал утверждение германского воззвания, что немцы до конца вели бы войну, как культурный народ, верный наследию Гёте, Бетховена и Канта. (*Курбатов В.Я. Опасности германской художественной культуры // Чего ждет Россия. С. 125–143. (С. 128 и далее). Ср.,* впрочем, позицию против представления о двух Германиях (которая только раньше была правильной): *Боборыкин П.Д. Высококультурная орда // Русское слово 1914. 25 дек. (1915. 7 янв.). С. 3.*

На этом фоне и германская наука подверглась критической оценке: от постулирования германской расы некоторыми антропологами⁴⁴ до капитуляции правоведов-международников перед культом силы⁴⁵. Размышления над германским правом в целом и отдельными предложениями немецких специалистов по уголовному праву привели одного русского специалиста к выводу: «Тевтоны остались тевтонами»⁴⁶. Обобщающие замечания берлинского слависта Александра Брюкнера послужили доказательством того, как национальное высокомерие вторгается в науку⁴⁷. Харьковский исследователь всеобщей истории Владислав Бузескул открыл в германской исторической науке XIX в., уже перед 1870 г., следы всех черт, которые русские столь отчетливо ощутили в войне: признание силы, как фактора, решающего все, культ бронированного кулака, грубое попрание права, презрение к слабым, превозношение германской нации и культуры, презрительное отношение к другим нациям, как к вырождающимся или низшим расам, патриотизм и национализм, которые приняли отталкивающие формы⁴⁸.

Патриотизм российских ученых

Волну патриотизма, охватившего население России, включая еще недавно бастовавших рабочих и критиковавшую правительство интеллигенцию, выразительно описали иностранные наблюдатели⁴⁹. Через три

⁴⁴ Оршанский И.Г. Задача социальной гигиены // Вест. Европы. 1915. № 10. С. 119 и далее; Виттер. Старая и новая Германия. С. 44 и далее; ср. также Яблоновский Александр. Отравленная душа // Киевская мысль. 1914. 10(23) дек. С. 3.

⁴⁵ Гессен В.М. Война и право // Туган-Барановский М.И. (изд.) Вопросы мировой войны. СПб., 1915. С. 484–506. Цит.: С. 500.

⁴⁶ Еситов В. [В.] Германская жестокость // Биржевые ведомости. 1914. 5(18). сент. С. 1–2.

⁴⁷ Сумцов Н.Ф. О германском национальном высокомерии // Южный край. 1914. 07(20) дек. С. 8.

⁴⁸ См. отчет о его докладе «Современная Германия и германская историческая наука» в Историко-филологическом обществе (Харьков): Германская апология культа силы // Южный край. 1914. 07.(20) дек. С. 6; ср. также обработанное изложение: Бузескул В. Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия. К происхождению современной германской идеологии. Пг., 1915.

⁴⁹ См. к примеру воспоминания французских и английских послов в Петербурге: *Paléologue M. La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre*. 20 Juillet 1914–2 Juin 1915. Paris, 1921. P. 45–47; *Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Vol. 1. London; New York; Toronto; Melbourn,

дня после объявления войны немцами газета, издаваемая Милюковым и выражавшая взгляды либеральных и прогрессивных кругов, представила свою позицию в новой ситуации: независимо от доселе критического отношения к правительству, первый долг сейчас — поддерживать единство страны и ее положение среди других наций⁵⁰. Патриотический подъем сыграл важную роль в основании и в выборе названия журнала «Отечество», в котором участвовали сливки либеральной интеллигенции, выражавшей надежду, что война послужит катализатором уже давно срочно необходимых коренных реформ. На практике наблюдались все те же виды активности, что и в Германии: преподаватели высшей школы учреждали дополнительные лазареты, сотрудничали в комитетах военной промышленности и участвовали в организации снабжения⁵¹.

Но либеральная интеллигенция придавала большое значение дистанцированию от национализма и шовинизма. Патриотизм, как можно было прочесть в «Одесских известиях», — это необходимая, критически творческая любовь к Отечеству, шовинизм, наоборот, исключает любую критику. В то же время предостерегали от ошибки искоренять в национальном или шовинистическом угаре все германское, заимствованное и оказавшееся полезным для России. Тесная связь с немцами обернулась ненавистью. Возможно, лучше было бы быть к ним равнодушными⁵². Сергей Гессен в статье «Идея нации» выделил два типа патриота: «Тот, который, думая только о настоящем, ведет к духовной нивелировке общества», как ныне в Германии; и тот, «который, живя будущим и объединяя людей в общем творческом действии, еще резче проявляет их индивидуальные различия и особенности». Для России он надеялся на

1923. Р. 207, 211–215. Об интеллигенции в войне см.: *Смирнов Н.Н.* Война и российская интеллигенция // Россия и Первая мировая война (Мат-лы междунар. научн. коллоквиума). СПб., 1999. С. 257–270; *Носков В.В.* «Война, в которую мы верим»: Начало Первой мировой войны в восприятии духовной элиты России // Россия и Первая мировая война. С. 326–340.

⁵⁰ Речь. 1914. № 193. 22 июля (04 авг.). По: *Novgorotsev*. Russian Universities. P. 155.

⁵¹ *Novgorotsev*. Russian Universities. S. 171, 178, 185; *Летопись Московского ун-та 1755–1979*. М. 1979. С. 166; 275 лет Санкт-Петербургский гос. ун-т. Летопись 1724–1999. СПб., 1999. С. 279.

⁵² Не ненависть, а равнодушие // *Одесские новости*. 1914. 06(19) окт. С. 1. Ср. также предостережение одного профессора, — отменить рождественскую елку только потому, что она исходит от немцев: *Говоров А.* Происхождение рождественской елки // *Камско-Волжская речь*. 1914. 03(16) дек. С. 4.

последнее⁵³. Наконец, князь Евгений Трубецкой противопоставил германскому национализму русский патриотизм. В первом он видел только голый национальный эгоизм, который обещал жестокое угнетение всем, кто не принадлежит к господствовавшей национальности. В русском же патриотизме — чувство, объединявшее все народы империи, без присущих национализму презрения и ненависти к другим народам. Трубецкой утверждал, что этот патриотизм — сверхнароден, а в этой войне Россия борется за права всех национальностей. Пламенный патриотизм нужно связать со справедливым, дружеским отношением к другим национальностям. В национальном вопросе следует занимать такую позицию, которая исключала бы как космополитизм, так и национализм⁵⁴. В то время как ученые формулировали эти перспективы как надежды и рекомендации, они одновременно осознавали, что их собственная страна не является идеальным образцом, который можно противопоставить столь остро критикуемой Германии⁵⁵.

Эта форма патриотизма оставляла товарищеские отношения с лицами, принадлежащими к разным нациям, принципиально возможными, а некоторые участники дебатов даже требовали этого и от граждан воюющих государств во время войны.

Понимание науки и коллегиальность

Когда историк Кареев, возвращаясь после начала войны из Карлсбада, оказался в Дрездене, он обратился оттуда к берлинскому орди-

⁵³ Речь идет не только о победе, но также о том, зачем будет достигнута эта победа и что грядет после. *Гессен С.И.* Идея нации // Туган-Барановский. Вопросы мировой войны. С. 561–589. (С. 561 и далее).

⁵⁴ *Трубецкой Евг.* Патриотизм против национализма // *Трубецкой Е.* Смысл войны. Вып. I. М. 1914. С. 5–11. (Первоначально: Русские ведомости. 1914. 02(15) авг. Ср. также: *Трубецкой Е.Н.* Война и мировая задача России. М., 1915. Эта задача — единство народов.

⁵⁵ См., например, следующий пассаж: *Трубецкой.* Патриотизм. С. 10: «А внутри России будем вести себя так, чтобы не одни русские, но все инородцы, не исключая поляков, финляндцев и евреев, видели и ощущали в России свою великую Родину». В ответе Совета Казанского университета, однако, такие нюансы отсутствуют. Тонем глубочайшего убеждения Совет подтверждает «исконную роль» России как «защитницы слабых». Поэтому «Россия обнажила меч в защиту Сербии». Совет Имп. Казанского ун-та. Ответ германским ученым. С. 1.

нарному профессору восточноевропейской истории Теодору Шиману, хотя политические взгляды обоих сильно различались: балтийский немец Шиман был сотрудником органа консерваторов *«Neue Preußische Zeitung»*⁵⁶, считался другом кайзера и врагом русских. Уповая на то, что коллегиальность ученых («товарищество по науке») есть своего рода «Братство во Христе», Кареев обратился по-русски к Шиману с просьбой, оказать ему помощь с выездом. Действительно, Шиман пошел навстречу этой просьбе; кроме того, он сотрудничал с Берлинским комитетом, помогавшим оказавшимся в беде российским подданным. По неоднократно повторенному свидетельству Кареева, Шиман отвечал на каждую просьбу с готовностью, в очень тактичной форме, и даже с теплотой⁵⁷. На основании этого опыта Кареев позднее смог требовать от своих собственных коллег соблюдения этого «Братства во Христе» в отношении немцев. Такой формулировкой он намекал на мысль, которую не раз высказывал апостол Павел, проповедовавший, что во Христе нет различия между евреем и греком, а в послании колоссянам упомянувший даже скифов⁵⁸. Таким образом, Кареев полагал, что национальные различия, не должны играть в науке никакой роли. Он твердо придерживался представления о «нейтральности науки», несмотря на то, что чувствовал себя лично задетым воззванием *«К культурному миру»*. Он в равной мере осуждал и немцев, и русских: первым не следовало бы писать воззвание, а вторые не должны были бы следовать «дурному примеру». Как граждане воюющей страны, они, конечно, должны были желать ей победы над врагом. «Но разве для этого нужна ли какая бы то ни было перебранка ученых, писателей, художников?»⁵⁹. Выражением его собственной коллегиальности был стыд за своих германских коллег. Тем самым, он как бы становился с ними на одну ступень.

При этом Кареев ни в коем случае не был некритичен по отношению к германской науке. Наоборот, он наблюдал там сужение горизонта из-за того, что немецкие ученые не учитывали научные достижения

⁵⁶ По железному кресту, помещенному в шапку титульной страницы, ее называли в обиходе «Крестовой газетой» (Kreuzzeitung).

⁵⁷ См. об этом: Кареев Н. [И.] Пять недель в германском плену // В немецком плену. С. 11–20, особенно С. 14 и далее, 19 и далее. Ср.: Кареев Н. [И.] «Ex praeterito spes in futurum» // Невский альманах. Жертвам войны — писатели и художники. Пг., 1915. С. 36 и далее.

⁵⁸ Римлянам 10: 12; Галатам 3: 28; Коринфянам 12: 13; Колоссянам 3: 28.

⁵⁹ Кареев. Ex praeterito spes in futurum. С. 36 и далее.

других стран, и объяснял это политическим развитием Германии с начала 1860-х гг. Уже в 1915 г. Кареев предупредил своих коллег: победители в мировой войне должны быть осторожны, чтобы не сделаться столь же односторонними в своем развитии, как немцы после 1870 г.⁶⁰ Подобное же утверждал историк права и социолог Максим Ковалевский, который семь с половиной месяцев находился в австрийском плену для гражданских лиц: «Метерлинк и Рол[л]ан говорят о немцах, как о новых гуннах, а немцы не знают для русских другого прозвища кроме как «варвары». Цвет науки и искусства забыл, что знание и творчество не ведает географических границ»⁶¹.

Российские ученые не отказались от представления о международном научном сообществе, и даже не хотели исключить из него своих немецких учителей и коллег (которые, как они чувствовали, их предали). Об этом свидетельствуют осторожные формулировки⁶². Более того, они пытались объяснить поведение немцев, и даже простить их — из соображения, что может быть, те подписывали воззвание под давлением⁶³, или находясь под влиянием какого-то «патриотического гипноза»⁶⁴, парализовавшего рассудок. Как много для них значило мнение сообщест-

⁶⁰ Кареев Н.И. Мысли о русской науке. С. 84 и далее, 91 и далее.

⁶¹ Ковалевский М. [М.] В плену // Невский альманах. С. 82–86. Цит. С. 82.

⁶² Так, к примеру, в Петербургском заявлении говорили о «Воззвании» «некоторых» германских писателей и ученых. Правда, так было сказано впервые примерно месяцем позднее и лишь в публикации петербургского заявления в двух либеральных газетах, (Ответ германским ученым // День. 1914. 21 дек. (1915. 03 01 янв.). С. 3 и далее; Отклики германского воззвания // Речь. 1914. 22 дек. (1915. 04 янв.). С. 3). Неясно, внесли ли его дополнительно (например, под давлением подписавшихся позднее в Петербурге и Москве).

⁶³ Соображения по этому поводу, но, в конечном счете, с отклонением гипотезы есть у Милокова в ст. «Германская интеллигенция». См. также формулировку: германские ученые «никогда бы не согласились скрепить своими именами документ» (воззвание «К культурному миру»), если бы они действительно дорожили своей честью (цитата: Ответ профессоров... ун-та Св. Владимира. С. 4. Ср. кроме того: Печать // Речь. 1914. 11(24) дек. С. 2; Печать // Речь. 1915. 17(30) дек. С. 2.

⁶⁴ Слонимский А. [З.] Германские ученые и милитаризм // Вестн. Европы. 1914. № 11. С. 342–350 Цит.: С. 344 и 348. Ср. также: риторические фигуры о якобы «массовом гипнозе» немцев в N.S. Duga lex; Ландау Г. Шовинизм и его врачеватели (Кровь прекраснородушия) // Утро России. 1914. 28 сент. (11 окт.). С. 1–2. (С.1); Трубецкой.Е. Что с ними сделалось? (I и II); От русских педагогов.

ва ученых, возможно из-за критического отношения к собственному государству, видно из их ответов на требование правительства исключить подданных вражеских государств из государственных учреждений, в том числе из Академии наук и университетов. С целым рядом формальных и содержательных аргументов против этого шага к общественности обратились такие ученые, как Нобелевский лауреат Иван Павлов и ректор Петроградского университета Эрвин Гримм, поясняя, почему они не могут исключать иностранных ученых. Только одного германского ученого еще ранее исключили из почетных членов Петроградского университета: Франца фон Листа, берлинского специалиста по уголовному праву, члена Рейхстага, прогрессиста, который до этого вел семинар в Петербурге, получил за него гонорар, был чествован, и, тем не менее, подписал воззвание «К культурному миру»⁶⁵.

Только после того, как правая и националистическая пресса продолжила травлю Академии, как учреждения, где явно преобладали немцы, и правительство усилило свой нажим, наконец, в 1916 г. был исключен 51 почетный член и корреспондент Академии наук германского и австрийского подданства (неславянского происхождения)⁶⁶.

Позиция российских ученых в сравнительной перспективе

Наблюдения за откликами на германский манифест в России осенью 1914 г. наводят на ряд параллелей в других странах. Англичане и французы сочли воззвание «К культурному миру» образцом подав-

⁶⁵ В учебных заведениях // Новое время. 1914. 12(25) дек. С. 7; К исключению подданных воюющих держав (Беседа с ректором Университета, проф. Э.Д. Гриммом) // День. 1914. 10(23) дек. С. 3; ср.: Печать // Речь. 1914. 11(24) дек. С. 2; А.О. Исключение ученых неприятельских держав // День. 1914. 12(25) дек. (с комментарием Павлова). С. 3. Подробнее см. *Maurer. Krieg der Professoren*.

⁶⁶ Эта мера не была распространена на подданных обеих вражеских стран, если они были славянского происхождения (по: *Dmitriev. Mobilisation Intellectuelle*. P. 640). Долгое время имело силу советское стандартное представление о том, что Академия временно исключала большое число лиц на время войны. *Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К.* Академия наук СССР: Краткий исторический очерк. В двух томах. Т. 1. М. 1977. С. 358. Подробнее об этом см.: *Виноградов Ю. А.* Германские ученые — члены Императорской академии наук в Санкт-Петербурге и Первая мировая война // Петербургская академия наук в истории академий мира. К 275-летию Академии наук. Т. III. СПб., 1999. С. 40–55.

ления немецкой учености соображениями государственной политики. Англичане жалели об отсутствии чувства пропорции, объективности и взвешенности решения — качеств, которых следовало бы ожидать от каждого ученого. Некоторые находили своих германских коллег доверчивыми, легковверными и послушными. Подобно тому, как в России освещались проблематичные аспекты развития науки в Германии, в Англии высказывались сомнения в немецкой учености. Во всяком случае, британская научная общественность реагировала неодинаково. Неприкрытые осуждения ни в коем случае не были типичными для нее, во всяком случае, в публичных высказываниях⁶⁷.

Для быстрой новой оценки военного противника, даже для переворота традиционного представления о нем, нашли параллели в других воевавших странах, не исключая Германию. Здесь перед войной научные отношения с Англией играли большую роль, и всё-таки, а может быть именно поэтому, немецкие ученые рассматривали Англию главным врагом в войне⁶⁸. Быть может, самый разительный пример переоценки ценностей представляет изменение взглядов политэконома Вернера Зомбарта, который со своими «преувеличениями» остается, в конце концов, разумеется, «аутсайдером среди профессорской пропаганды войны». Зомбарт развивал уже в 1913 г. принципиальную типологию «торговцев и героев», давшую заглавие его пресловутому военному сочинению 1915 г. Но в 1913 г. он еще относил англичан (как и немцев) ко второй категории, тогда как во время войны — уже к торговцам, даже к лавочникам. Тем самым они являлись для Зомбарта полной противоположностью немецкого «геройства»⁶⁹.

Русское представление двух Германий было характерно и для союзников. Более того, они имело предшественника: уже после Франко-прусской войны 1870–1871 гг. во Франции такое разделение стало обычным⁷⁰, а к началу Первой мировой войны его использовали и в Англии, но, в отличие от России, не как два разных исторических этапа, а как характеристику разных групп немецкого населения. Однако поведение

⁶⁷ Подробнее об этом см.: *Wallace*. War and the Image of Germany. Ch. 1.

⁶⁸ *Schwabe K.* Wissenschaft und Kriegsmoral. Die deutschen Hochschullehrer und die politischen Grundfragen des Ersten Weltkrieges. Göttingen; Zürich; Frankfurt, 1969. S. 26.

⁶⁹ *Lenger Fr.* Werner Sombart als Propagandist eines deutschen Krieges // *Hg. Mommsen.* Kultur und Krieg. S. 65–76. (S. 65, 68, 71).

⁷⁰ См.: *Völkel.* Geschichte als Vergeltung. S. 99–107.

немецких ученых уже к октябрю 1914 г. показало, что такое деление не соответствует действительности. И ведущий представитель точки зрения о существовании «двух Германий», ученый и политик лорд Джеймс Брайс, для которого еще в 1916 г. немецкий народ и германское правительство были две разные вещи, признал чудовищность Германии, подобно русским, приравняв ее к Пруссии⁷¹.

Однако подобные попытки дифференциации (которые также подчеркивали общеевропейский образ ученых), встретили осуждение у немецких ученых. В «Заявлении преподавателей высших школ Германской Империи» подавляющее большинство немецких профессоров «с возмущением отвергало» различия, которые иностранцы находили между духом германской науки и прусским милитаризмом: «В германской армии нет иного духа, чем у немецкого народа, потому что они едины, и мы также часть этого единства». Доказательствами этому служило утверждение, что армия занимается и наукой, а военная служба подготавливает молодежь к науке. Далее они уверяли: «Этот дух живет не только в Пруссии, но и в любой из земель Германской империи»⁷². Возникшее только в шестидесятые годы XIX в. понятие «милитаризм» в кайзеровской империи употребляли только в критическом или даже уничижительном смысле, и всегда имели в виду других. В период Первой мировой войны, благодаря воззванию «К культурному миру» и последовавшему за ним «Заявлению преподавателей высших школ» его стали применять, обозначая положительное свойство армии и государственного строя⁷³. Ученые идентифицировали себя с милитаризмом.

⁷¹ См. цитату лорда Брайса (Lord Bryce) в публикации: *Wallace. War and the Image of Germany*. S. 31, 175.

⁷² Декларация (или Заявление) была переиздана: *Böhm K. (Hg.) Aufrufe und Reden deutscher Professoren im Ersten Weltkrieg*. Stuttgart, 1975. S. 49 и далее., цитата S. 49. Ср. также речь: *Militarismus und Wissenschaft* от 20 нояб. 1914 // *Hg. U. von Wilamowitz-Moellendorf. Reden aus der Kriegszeit*. Bd. 2–3. Berlin, 1915. (Bd.2. S. 32–47). Некоторые даже позднее сохранили убеждение о связи между германским милитаризмом и немецкой культурой, вроде математика Феликса Клейна, когда он критиковал отдельные места воззвания «К культурному миру» как неверные. *Tollmien C. Die Universität Göttingen im Kaiserreich* // *Hg. R. von Thadden, G.J. Tritte. Geschichte einer Universitätsstadt*. Bd. 3. Von der preußischen Mittelstadt zur südniedersächsischen Großstadt 1866–1989. Göttingen, 1999. S. 357–393 (S. 392).

⁷³ См. об этом и о направлениях прежнего критического взгляда: *Stumpf R., Conze W., Geyer M. Militarismus* // *Geschichtliche Grundbegriffe*. Historisches

Представление о сверхнациональном характере науке, которое столь решительно защищал Кареев, не исчезло в годы Первой мировой войны и в Германии, но играло не такую важную роль как отстаивание национальных целей. Это выразил берлинский филолог-классик Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф в своей речи «от имени университета» к 100-летию со дня рождения Бисмарка: «Бисмарк в нас, Германство сильнее даже самой науки»⁷⁴.

Макс Планк, правда, в 1915 г. объявил в день Лейбница (который ежегодно отмечала Прусская Академия в честь своего основателя), что отрицать вопрос о возобновлении международных контактов является прегрешением по отношению к науке. Но в отличие от Кареева, который имел в виду возобновление отношений сразу после войны, Планк полагал это возможным в принципе или, вероятно, не только по психологически-риторическим причинам — делом отдаленного будущего⁷⁵.

В данный же момент, более актуальным был вопрос о прекращении международного сотрудничества. Разумеется, при этом некоторые ученые уже призывали своих коллег подумать о будущем и осуждали все «дешевые демонстрации вне поля битвы». Но происходило это в письмах,⁷⁶ а не в публикациях, как у Кареева. Ученик Мейера Виктор

Lexicon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Bd. 4. Stuttgart, 1978. S. 1–47. (S. 1, 30–44). Интерпретацию «неограниченного признания германским духом милитаризма» критически рассмотрел Ungern-Sternberg: *Wie gibt man dem Sinnlosen einen Sinn?* S. 91 и далее.

⁷⁴ «Наука не принадлежит ни государству, ни народу. Тот согрешит пред ней, кто захочет лишить науку её сверхнациональной, сверхземной сущности. Но чему мы Вас теперь, прежде всего, должны научить, это тому, что мы сегодня сами узнаем о себе. То, чем была наполнена наша жизнь, что для нас было самым ценным, научная работа, стало для нас почти невозможным, потому что единственная мысль, занимающая нашу душу — это мысль об отечестве. Бисмарк в нас, германство сильнее даже самой науки». (Wilamowitz-Moellendorf. *Reden aus der Kriegszeit*. 3. S. 51–76. (S. 51, 76).

⁷⁵ Он поклялся сначала духу 4 августа и необходимости, в любом случае, сохранять единство нации. Затем добавил вопрос: возможно ли будет «когда-нибудь, может через поколения [!], снова, как прежде, собрать культурные нации для совместной научной работы» и ответил на это: «Если бы кто даже усомнился в этом вопросе, то согрешил бы пред духом науки». (Цитата из отчетов о заседаниях Академии за 1915). S. 484. *Mommsen*. *Wissenschaft, Krieg und Berliner Akademie*. S. 7 и далее).

⁷⁶ Поводом было предложение В. Зомбарта, прекратить отношения Германского общества социологии с Институтом Сольвея в Брюсселе. Цитата из

Эренберг в недоумении спрашивал своего учителя, действительно ли война означает «конец международной науки»⁷⁷.

А коллега Мейера по Академии, Адольф Эрман, в 1916 г. все еще придерживался интернациональности науки, которую сам Мейер называл «утопией»⁷⁸. Политэконом Эберхард Готайн в письме своей жене подчеркнул необходимость «возобновить контакт с иностранной, после того, как фурия войны переберется». Он считал, что «серьезная работа над общей объективной культурой никогда не должна прекращаться». Напротив, Вернер Зомбарт полагавший, что немцы «при «обмене... почти всегда были дающими», публично заявил: «... даже если бы все международные журналы погибли, если бы научный обмен отменили, для нас это не было бы никаким ущербом»⁷⁹.

Что касается решения об исключении подданных вражеских воюющих держав из ученых ассоциаций, то и немцы соблюдали осторожную сдержанность. Когда подписавшие воззвание «К культурному миру» (а не все немецкие ученые) были исключены из Парижских академий, многие члены Прусской академии наук требовали заявления, что отношения были прерваны французской стороной. Но принята была резолюция Планка и Эрдмана, согласно которой «все возможные шаги против Академий вражеских стран должны быть отложены до конца войны».⁸⁰ С другой стороны, сдержанность Академии как учреждения, сопровождалась широким участием многих отдельных ее членов в военной публицистике, т.е. «оправданием, даже ... агрессивной защитой ведения войны Империей»⁸¹.

письма Г. Зиммельса Г. Беку от 12.10.1914 из: *Lenger. Sombart, als Propagandist des Krieges*. S. 71. Там же: напоминание Э. Жаффэ [Edgar Jaffés] «думать о том, что будет потом» (письмо Зомбарту от 18.нояб. 1914). С. 70.

⁷⁷ «Что же, не могут более Гент и Виламовиц вместе обрабатывать Охурхунчус Паруги? Тогда я уже не знаю...». (Письмо от 19 апр. 1915 // *Audring Gert, Hoffmann Christhard, Ungern-Sternberg Jürgen, von. Eduard Meyer-Victor Ehrenberg. Ein Briefwechsel 1914–1930*. Berlin; Stuttgart. 1990. S. 50.

⁷⁸ Цитата из письма Эрмана от 03.апр.1916: *Ungern-Sternberg*. Wie gibt man dem Sinnlosen einen Sinn? S. 81.

⁷⁹ *Sombart W. Händler und Helden. Patriotische Besinnungen*. München; Leipzig. 1915. S. 136.

⁸⁰ Цитата из: *Ungern-Sternberg*. Wie gibt man dem Sinnlosen einen Sinn? S. 82.

⁸¹ *Mommsen*. Wissenschaft, Krieg und Berliner Akademie. S. 5.

Заключение

Российские ученые, как и их коллеги из всех участвовавших в войне стран, были охвачены патриотическим подъемом в начале войны, а также чувством солидарности с собственным правительством и армейским руководством, ведшими борьбу против врага. Принимая участие в военной публицистике, они, как и немцы, стремились дискредитировать противника и оправдать ведение войны своим правительством и русской армией. На первый взгляд, они кажутся более разумными и сдержанными, чем их немецкие коллеги⁸². Но насколько они отличались от них, еще предстоит выяснить соответствующими исследованиями с российской стороны и критическим рассмотрением существующих анализов немецкой ситуации⁸³. Во всяком случае, относительно внутренней политики, в России ученые продолжали соблюдать дистанцию по отношению к собственному правительству, которая снова увеличилась и переросла в открытую оппозицию. Различия политических взглядов в ученом сообществе царской империи не позволили образовать блок против ученых вражеских держав. Это показывают отдельные ответы либеральных ученых, изложенные скромно, но отчетливо понятным образом для знатоков политического и образовательного ландшафта.

Защита германских учеными не только действий армии, но и милитаризма, как такового, делала их в высшей степени чуждыми русским коллегам. Причину такого поведения они видели в однозначной ориентации немецких ученых на государство, которой русские ученые, исходя из привычного для них отношения к государству, противились. И в противоположность германскому оправданию эксцессов, они снова отстаивали международное право.

⁸² Сравните текст книги Э. Мейера и рецензию на нее М.И. Постовцева: *Meyer E. England. Seine staatliche und politische Entwicklung und der Krieg gegen Deutschland. Stuttgart; Berlin 1915* и *Постовцев М. Историк древности об Англии и Великой войне // Речь 11(24) янв. 1916. С. 2.*

⁸³ Это запланировано в рамках сравнительного проекта автора о германских и русских университетах в Первую мировую войну. Инициативы к дифференцированной оценке высказываний, учитывая «полемическую ситуацию разговоров осени 1914 г.» и к точной интерпретации (которая различает воодушевление единством и возможно переоцененное военное воодушевление) в ст.: *Ungern-Sternberg. Wie gibt man dem Sinnlosen einen Sinn?* (Цитата со с. 92; о дифференциации понятий см.: С. 78, прим. 5).

В 1915 г. немецкий издатель документации «Война умов» (*Krieg der Geister*) ошибочно говорил о «герметической закрытости, которая отделяет российский духовный мир войны от остальной Европы»⁸⁴. Однако, тот факт, что он не знал о русской реакции на заявления немецких ученых, говорит скорее об изоляции Германии. Именно в русских дебатах можно видеть, в какой степени авторы знакомы с западноевропейской культурой и как внимательно они следили за западной дискуссией еще во время войны⁸⁵. Их реакция на немецкое воззвание показывает, что эпоха учебы у немцев, так называемой европеизации России со времени Петра Великого, завершилась, так как образ Германии у русских стал чем-то наподобие зеркального отражения образа России у немцев. Теперь они, в свою очередь, видели в немцах, в том числе в немецких ученых, только то слепое послушание, то подчинение государству, которые отмечали у русских немецкие путешественники прошлого. Русские ученые осуждали отсутствие независимости и характера у немецких ученых, и тем самым подтверждали, насколько глубоко они сами впитали ценности немецкого бюргерства.

Принимая участие в публицистических дебатах, они, с одной стороны, отмежевывались от немцев, а с другой, подтверждали общность ценностей (даже если уверяли, что немцы им изменили). Все это, т.е. отстаивание национальных целей собственной страны (пусть даже частично необдуманно и некритично образом), новая оценка науч-

⁸⁴ *Kellermann*. *Krieg der Geister*. S. 48 и далее.

⁸⁵ В «Русских ведомостях», слывших профессорской газетой, были не только статьи о манифесте западных союзников, там напечатали также открытые письма Ромена Роллана и Герхарта Гауптмана: Русские ведомости. 1914. 19 сент. (10кт.). С. 2; 21 сент. (4 окт.). С. 6 и далее. Уже в начале ноября 1914 в «Одесских новостях» появилось сообщение о статье из октябрьской тетради «*Internationale Monatsschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik*» (*Иновин Ал*. Культурная Германия о войне // Одесские новости. 1914. 25 окт. (7 нояб.). С. 6. А из телефонного отчета корреспондента в Копенгагене читатели «Русских ведомостей» узнали о статье Теодора Вольфа в газете «*Berliner Tageblatt*», в которой он жаловался «на эксцессы немецких профессоров» («*Berliner Tageblatt*» против немецких профессоров // Русские ведомости. 1914. 27 ноябр. (10 дек.). С. 2). Во всяком случае, в сфере науки вскоре наступил разрыв: в 1915 г. в читальных залах университетов отсутствовали специальные журналы, не только немецкие, но и английские и французские: ранее их доставляли немецкие книготорговцы! (*Кареев*. Мысли о русской науке. С. 77 и далее).

ных партнеров, ставших врагами, похожая аргументация у русских и союзников, даже аналогичные ценности у русских и немцев, показало, как сильно враждовавшие стороны все еще были связаны общими принципиальными взглядами.

Я выражаю благодарность Л.А. Булгаковой (С.-Петербург) за поиск русских источников для моей статьи, обозначенной в примечании № 16, которые послужили основой и данной статьи, а также М.В. Горелику (Гёттинген) за огромную помощь при редакции перевода.

Авторизированный перевод Т. Маурер